

Между гарантией и шансом

Александр Архангельский

кандидат филологических наук, профессор кафедры информационной политики и информационных исследований ГУВШЭ, член Академии Российского Телевидения, автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы телеканала «Культура» «Тем временем», автор и ведущий цикла документальных фильмов «Фабрики памяти: Библиотеки мира», писатель.

Старая преподавательская шутка. «Накануне 1917 года Россия стояла на краю пропасти. После 1917 года она сделала огромный шаг вперед»... Сто лет назад мы оказались перед чудовищной развилкой. Все задачи, решение которых давало шанс на мирное развитие, были долгосрочными. Превращение расхристанного пролетариата в цивилизованный рабочий класс. Переход из тотальной общины к фермерству по датским образцам. Эволюция самодержавия в конституционную монархию. А процессы, которые в России назревали и отчасти шли, вели к скоростному обвалу, который все вменяемые силы отодвигали врозь – и тем самым приближали как могли. Государь – семейственностью, кадровой чехардой и распутинщиной, Столыпин – своими виселицами, левые интеллигенты – словоблудием, священники – надеждами на черносотенцев.

При всем тотальном различии контекстов мы опять перед той-же развилкой. Задачи долгие; горизонты короткие; все действует врозь. Большинство представителей элит убеждены, что модернизация – проблема управленческая; «правильная» тактика ведет к победе, «неправильная» – к провалу. Между тем, как показало проведенное под руководством Александра Аузана исследование «Культурные факторы модернизации», после Второй мировой на путь модернизации вступило полсотни стран, но преуспели только те, кто неуклонно работал с ценностями, с национальной картиной мира. Сохраняя своеобразие и при этом меняясь. Гонконг, Япония, Тайвань, Сингапур и Южная Корея. Не западные страны, а восточные. Не вестернизированные. Косные. Традиционные. Но, решившиеся на долгие перемены. И не потерявшие себя.

Сегодня часто приходится слышать, что причина успеха данной группы стран – в исповедуемой ими конфуцианской этике. Но пока они не предъявили миру столь убедительный результат, никто не знал, что конфуцианская этика способствует модернизации. Наоборот, господствовало устойчивое мнение о «неподвижности», «неизменности» и однотипности «азиатского пути». Тут связь скорее обратная: модернизационный потенциал конфуцианства выявлен в процессе прорыва, благодаря тому, что с культурно-историческим опытом здесь осознанно работали, взаимодействовали с ним. Более того, выход на устойчивую траекторию экономического развития сопровождался во всех этих странах снижением дистанции граждан по отношению к власти, ростом статуса ценностей самовыражения, самореализации, личной ответственности за свою судьбу. Чем шире эти ценности распространялись в обществе, тем устойчивей становилась траектория экономического развития. И наоборот. Там же, где элита не работала с гуманитарной сферой, с ценностной шкалой, ничего не получилось. Самый поучительный пример – Аргентина.

Это значит, что модернизация предполагает запуск долгосрочного социокультурного процесса; если перед глазами работника стоит образ общины, а вы понуждаете его к фермерству, не надейтесь на торжество столыпинской реформы. Если честно заработанные деньги не являются мерилем успеха, производительность труда не вырастет, как ни повышай зарплату. Вопрос не в том, учитывать ли культурные факторы модернизации, а лишь в том, как с этими факторами работать. Революционно обнулять или поступательно взаимодействовать.

Сегодня нет недостатка в утопиях культурных революций, имеются трактаты об охранительной «суверенной модернизации»; общего понимания того, что нам необходима поступательная культурная эволюция – нет. Как нет системных практик, основанных не на сохранении и не на разрушении, а именно на обновлении любой реальности. В том числе реальности социокультурной. Зато есть избыток архаических институтов, основанных на

поддержании и воспроизводстве эталонных образцов. И нарастающий вал авангардных практик, которые демонстративно разрывают с косными образцами.

Архаична Академия наук, и никакие попытки ее реформировать ни к чему хорошему не ведут; авангардным является проект «Сколково», уникальную модель которого невозможно тиражировать; революционна природа пермского культурного проекта. Задача в том и заключается, чтобы предъявить стране и миру возможность резкого единоличного прорыва, а не в том, чтобы поставить дело научных инноваций на конвейер. Архаике найдется место в обновленной России; штучный авангард заставляет шевелиться остальных, но если не создать идеологию ненасильственного обновления всей сферы общественных, экономических практик, культурных установок, то крайне сложно будет выйти на траекторию модернизации без колоссальных потрясений, без нового русского раскола.

В отличие от архаики, социальный модерн предполагает изменение реальности, последовательную работу с устоявшейся традицией, обновление ценностей и институтов. В отличие от авангарда, он не отрицает устоявшиеся модели только потому, что они существуют давно. Он воспроизводит, как сам стиль модерн, который когда-то быстро распространился по всей Европе. Авангардный «Черный квадрат» навсегда остается одним-единственным «Черным квадратом», сколько бы авторских копий Малевич ни сделал. Архаические «Грачи прилетели» Саврасова не могут быть изменены, их невозможно варьировать, только повторять. А дом, построенный в стиле модерн, может быть маленьким или большим, дорогим или дешевым; он может находиться в столицах или в глухой провинции. В этом отношении российская традиция модернизации не враг, а в некоторых случаях союзник.

Чтобы проверить, причем в максимальном приближении к реальности, насколько верны наши предположения и тезисы, было проведено социологическое исследование, основанное на опросе соотечественников, живущих и работающих в модернизированных странах или в западных компаниях, представленных в России. То есть в тех условиях, которые должны возникнуть в случае успешного запуска модернизации в России. Исследование было проведено весной 2011 года Центром независимых социологических исследований в России (Санкт-Петербург), США (штаты Мэриленд и Нью-Джерси) и ФРГ (Берлин и Северная Рейн-Вестфалия). Два главных исследовательских вопроса, сформулированных авторами:

- Существуют ли специфические культурные черты, принципиально отличающие российского работника от его коллег в ведущих странах Запада?
- Какова связь между выявленными чертами и процессами экономической модернизации?

Авторы считают, что при исчезновении внешних социально-политических, экономических и прочих институциональных барьеров молодой «креативный класс» легко раскрывает свои модернизационные возможности, на равных конкурируя с западными коллегами в рамках устоявшихся правил. И никакие факторы традиционности им в этом совершенно не мешают; наши культурные установки вполне совместимы с модернизированной средой обитания. (Хотя культурные установки помогают российским работникам в большей степени строить карьеру предпринимателей на малых инновационных предприятиях, чем карьеру исполнителей в крупных корпорациях). А у тех, кто закончил американскую или европейскую школу, никаких специфических установок в сфере трудовой и организационной этики нет; культурная принадлежность к «русскому миру» выражена не в особенностях социального поведения, в том числе экономического, а в особом эмоциональном, эстетическом, бытовом обиходе.

Значит, если не ломать, не обнулять традицию, не идти на колоссальные цивилизационные риски и культурно-политические издержки, связанные с практикой «культурной революции», но просто убирать барьеры и втягивать людей в модернизационные процессы, то зрелая часть «креативного класса» сумеет вписать свои сложившиеся ценности и установки в новую среду и новую реальность. А что до следующего поколения, то оно станет носителем модернизационных ценностей, если удастся превратить российскую школу в институт ненасильственной гуманитарной модернизации.

Между тем, если в позднее советской модели культурно-образовательной политики торжествовал тотальный идеологический подход, то сегодня ставка сделана на столь же тотальную прагматику. Литература, история, художественное воспитание последовательно

смещаются на периферию образовательных процессов. Но все замеры говорят о том, что, снижая количество часов на историю и литературу, мы не получаем взамен роста научно-технических знаний. И при этом только школа может решить политическую задачу формирования общероссийского гражданского сознания, без чего невозможно сохранение и развитие единой территории, государственного тела России. И только школа (что подтвердили и результаты прилагаемого социологического исследования) может заново и без революционных потрясений сформировать систему ценностей следующего поколения, связав установки начинающейся модернизации с культурно-исторической традицией. Ответственны за это в первую очередь история и (в силу специфики русской культурной традиции) литература. Именно они призваны формировать картину мира, сознание сложного человека, свободного и ответственного россиянина. А сложный человек для сложного общества – это главное условие модернизации.

Именно поэтому участникам XIX ежегодной Ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), проходившей в апреле 2011 года, была предложена для обсуждения тема «Культура, будущее России, ее место в мире». При этом под культурой понимались не только и не столько искусство, литература, театр, сколько вся сеть общественных институтов, порождающих, сохраняющих, изменяющих, разрушающих и снова создающих смыслы. То есть и школа, и кино, и телевидение, и правовая традиция, и язык, и религия, и наука, и университетская среда, и военная мысль, и политическая философия. Все, что формирует ту картину мира, которая стоит перед глазами общества в целом и каждого гражданина в частности; все, что определяет наше отношение к реальности. А от этого отношения напрямую зависит, какие решения политиков пройдут, а какие упрутся в невидимую преграду, и либо увязнут в трясине, либо дадут непоправимую трещину.

Представители политической, дипломатической, военной элиты вместе с социологами, литераторами, педагогами, учеными гуманитариями размышляли над тем, действительно ли существует русская культурная матрица, которая ограничивает (или предполагает?) модернизацию.

Почему мы убеждены, что сегодня вопрос о культуре приобретает политическое значение? По той простой причине, что культура формирует ту картину мира, которая стоит перед глазами большинства и с которой оно подсознательно сверяет все свои жизненные решения. Все, что расходится с картиной мира, отторгается; все, что совпадает, получает эффект усиления. Есть американская картина мира, в ней индивидуализм стоит на первом месте, гордость за свободную Америку – на втором, вера в то, что каждый может попытаться сам построить свою судьбу – на третьем, но и про веру в Бога забывать не следует. Есть скандинавская картина мира, коллективистская, во многих отношениях зеркально противоположная американской. Только попробуй противопоставить себя гражданскому обществу, самоуправляющемуся коллективу – мало не покажется; высшая ценность – не рисковать, не выламываться из общего ряда, а умение договориться обо всем и железно соблюдать договоренности. Есть республиканская французская; есть умеренно-монархическая испанская; есть либерально-католическая в Чили... Те политические, экономические, военно-стратегические, инженерные, экологические решения, которые запросто проходят в США, потому что соответствуют общепринятым взглядам данного общества, будут отвергнуты в Дании или Швеции. Равно как и наоборот. Тот хомут, который по шее французам, будет немедленно сброшен чилийцем. Поэтому сейчас, когда модернизация кажется единственным шансом для России выскочить из цивилизационного тупика, необходимо выяснить: какова же наша картина мира? в чем заключается наша традиция? каковы ее константы и есть ли они в принципе?

Сработать быстро – не получится. Собственно, поэтому и нужен новый общественный договор, что только на его основе можно попытаться выиграть у истории катастрофически сокращающееся время. Если отказаться от него – есть твердая гарантия, что ничего не выйдет. Если попытаться выбрать лозунг «перемены без насилия», то никаких гарантий нет. Ни плохих, ни хороших. Есть только шанс. Но, как говорится, Абрам, дай Богу шанс, купи лотерейный билет.